

**ДУГЛАС
КОУПЛЕНД**

**ДУГЛАС
КОУПЛЕНД**

**ПОКА ПОДРУЖКА
В КОМЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

К73

Серия «Чак Паланик и его бойцовский клуб»

Douglas Coupland
GIRLFRIEND IN A COMA

Перевод с английского *В. Правосудова*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения компании Planet X Publishing Inc.
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Коупленд, Дуглас.

К73 Пока подружка в коме : [роман] / Дуглас Коупленд; [пер. с англ. В. Правосудова]. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 448 с. — (Чак Паланик и его бойцовский клуб).

ISBN 978-5-17-111258-5

Конец света подкрался незаметно.

И, честно говоря, очень вовремя...

Такова основная мысль самого постмодернистского романа Дугласа Коупленда, о котором критики писали: «Сюжет, достойный Воннегута, автор изложил в саркастической манере Брета Истона Эллиса».

Реальность, фантастика и гротеск переплетаются в этом непросто и очень занятом произведении настолько тесно, что подобрать для него жанровое определение очень трудно. Его можно назвать ироничной антиутопией, социальной сатирой, интеллектуальной фантастикой и даже «романом взросления», но для читателя важнее другое: от этой книги просто невозможно оторваться.

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Douglas Coupland, 1998

© Перевод. В. Правосудов, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

ЧАСТЬ I

1

Все идеи верны

Меня зовут Джаред, я — призрак.

Четырнадцатого октября 1978 года, в пятницу, я играл в составе нашей школьной футбольной команды — «Спартак гарде». Это была выездная игра, в другой школе — Хэндсворт, в Северном Ванкувере. В самом начале мне дали пас, и я, обернувшись принять его, сам не знаю, с чего вдруг, отметил про себя, что небо чистое-чистое, прозрачно-голубое — как только что вымытое оконное стекло. В этот миг я и вырубился. По всей видимости, пас я прошляпил, что было дальше — не помню, хотя уже потом мне рассказали, что тренеры остановили игру. Вот это уже было просто глупо: ведь мы явно давили их, и впереди светило повторение позапрошлого года разгрома, учиненного нашей командой над тем же соперником.

Но — за те несколько часов, что прошли с моего упущенного паса до пробуждения в больнице Лайонс Гейт, мне был поставлен диагноз: лейкемия, что значит — рак костного мозга, а следовательно, и крови. Ровно через три месяца, че-

тырнадцатого января 1979 года, я умер. Болезнь прогрессировала невероятно быстро. Перед смертью я облысел, а кожа моя приобрела цвет давно не мытой белой машины. Будь у меня возможность прожить все это заново, я бы обязательно поубирал подальше все зеркала месяца за полтора до конца.

У меня была счастливая, наполненная и — короткая жизнь; земной мир был ко мне благосклонен, а поединок с лейкемией стал моим Испытанием. Это, разумеется, если не считать оргии с Черил Андерсон, когда ее предки затеяли ремонт и все семейство перебралось на недельку в мотель. Но это так, к слову, а вообще-то я уверен, что человек, в жизни которого не было Испытания, прожил ее напрасно. Испытание вовсе не обязательно подразумевает особый героизм или мученическую смерть, и даже не обязательно включать в себя Черил Андерсон; нередко тихая одинокая жизнь сама по себе становится Испытанием. А еще я вам вот что скажу: больницы — это настоящий магнит для девчонок. Моя палата очень быстро превратилась в выставку букетов, всякого печенья и вязаных штучек, не говоря уже о самих девчонках, которые перед визитом ко мне (и небезуспешно) не один час наводили красоту. Таково уж дурацкое устройство мира, что я был слишком слаб и не мог должным образом воспользоваться поступавшими на мое имя вагонами всяких Бетти и Вероник; исключение — все та же бесстыжая Черил Андерсон, предоставившая мне «мануальную терапию» в тот

день, когда у меня вылезли брови; за вышеназванным мероприятием последовали горючие слезы и щелканье «полароидом», где я остался запечатленным в вязаной девчоночьей шапочке. Сплошные слюни.

Но пора обратно, сюда, где я сейчас, в конец света.

Да, мир кончился. То есть он еще есть, но ему конец. Я — у конца света. Пылинка на ветру. Конец мира, как мы его себе представляем. Yet another brick in the wall*. Звучит солидно и торжественно, но на самом деле здесь все не так. Мрачно, уныло и тихо, пахнет так, словно в полумиле отсюда горят автомобильные шины.

Давайте-ка я опишу вам недвижимость, что еще сохранилась до сего дня — спустя год после того, как мир кончился. Во-первых, безмолвие — ни шума машин, ни голосов, ни музыки. Театральные занавесы истерты и истрепаны, как выношенные сверх меры рубашки. Бесконечные колонны легковых машин, грузовиков и автобусов оседлали плечи дорог, груженные скорбной поклажей — истлевшими скелетами. По всему миру падают и обрушиваются внутрь себя дома; пианино, подушки, микроволновые печи проваливаются сквозь этажи, обнажая деньги и любовные письма, спрятанные в тайниках под полами. У лекарств и продуктов по большей части вышел срок годности. Мир снаружи терзают дожди и время от времени освещают молнии. Конечно, вез-

* Еще один кирпич в стене (англ.).

де полыхают пожары, а погода становится все более непредсказуемой.

В пригородах, вроде тех, где я вырос, улицы растворяются в быстро наступающей растительности; вьюнки и лианы опутывают дороги, не тревожимые больше шинами «шевроле-камаро». Беззвучно провисают струны теннисных ракеток, убранных в темные шкафы. Десять миллионов картин падают с десяти миллионов стен; с дорожных знаков слезает краска, они покрываются ржавчиной. Бродят стаи голодных собак.

Попавший сейчас на Землю увидел бы уснувшее вечным сном тысячелетие торжества машин и механизмов. Соборы рушатся столь же легко, как биржи.

Лишенные энергии затонувшие подводные лодки льнут ко дну, и ближайший миллиард лет им предстоит лишь копить на себе морской ил. Снег в городах не убран, лежит сугробами; молчат музыкальные автоматы в кафе и барах; классные доски навек остались исписанными. Не закрыты компьютерные программы и базы данных; провода свисают со столбов, словно длинные волосы.

Но как меня-то сюда занесло? И сколько мне еще тут околачиваться? Чтобы узнать это, придется поговорить о моих друзьях. Они тоже здесь — где кончается мир. Они тоже оказались в этом самом месте — мои друзья, которые выросли все то время, что я оставался молодым.

Вопрос: поступил бы я так же снова? Несомненно. Хотя бы потому, что на этом пути я че-

му-то научился. Большинство людей ничему не учатся на своем пути. А если им и удастся во что-то въехать, они имеют обыкновение забывать выученное, когда это оказывается выгоднее. Большинство, даже получив второй шанс, благополучно похеривает его. Это — один из основополагающих законов мироздания, и ничего ты тут не поделаешь. Люди, я это сам заметил, умудряются почти ни во что не врубиться и с третьего раза, уже потратив понапрасну огромное количество времени, денег, энергии, большую часть молодости, да и всего остального — сами можете перечислить. И все-таки они чему-то учатся, что в конце концов просто замечательно.

Вот вам история моих друзей, которые наконец усвоили предназначавшийся им урок. Мои друзья — это Карен, Ричард, Пэм, Гамильтон, Венди и Лайнус. Ричард — лучший рассказчик в этой компании, так что дадим ему слово первому. Нет, у Карен получилось бы лучше, но она сама не так много была на Земле. *C'est la vie**. Но Ричард будет вести свой рассказ только до поры до времени. В какой-то момент эта история перерастет его, охватит всех их. А в конце это будет уже *моя* история. Впрочем, до этого мы доберемся еще не скоро.

Предназначение — вот то, что мы пытаемся обрести. Будущее еще не наступило. Покорность року — это удел лохов.

18–25–32... *Двинули!*

* Такова жизнь (*фр.*).

2

Все идеи ложны

Мы с Карен лишили друг дружку невинности на вершине горы Гроуз, у лыжного склона, среди кедровых стволов, на ложе из кристального снега, под сверкавшими, как далекие фонарики, звездами. Декабрьский вечер был настолько морозен и ясен, что воздух походил скорее на лунную атмосферу — он словно выжигал легкие изнутри; насыщенный ментолом, он был по-медицински стерилен; в нем едва угадывались запахи озона, цинка, лыжной мази и клубничного шампуня Карен.

Здесь я вернусь к той первой трещинке в скорлупе времени, к тому мигу, когда я был поистине счастлив. Я сам, да и остальные пустоголовые подростки, не верующие, не безбожники, — сгорающие от вожделения на вершине черной горы, нависшей над расцвеченным огнями городом, городом столь юным, что его грезы и сны ведомы лишь эмбриону в утробе, городом, в чьем мерцающем сиянии виделись всеобщий мир и покой, надежда на что-то в будущем. И вот я снова там, на вершине: *Карен, что ты увидела? Почему нам не дано было знать? Почему ты... почему мы?*

В тот вечер — 15 декабря 1979 года — Карен просто настояла, чтобы мы дошли до самого конца.

«Ричард, будем мы наконец... или как?» — спросила она, а затем, взобравшись на сугроб

в форме женской груди посреди трассы для могла, расстегнула молнию на комбинеzone. А потом потащила меня в лес, где повалила в скрипучий снег, настолько холодный, что в нем замерзли бы даже снежные ангелы. Я ощущал себя совсем мальчишкой, она же казалась такой взрослой! Она притянула меня к себе так настойчиво и требовательно, словно вот-вот должна начаться война и нас тотчас же отправят на фронт. И вот мы лежим в снегу, страсть заставляет бешено колотиться наши тела, наш разум — словно перегревшийся игровой автомат, что, обезумев, безостановочно, с лязгом отсчитывает серебряные доллары, рубины и конфеты. Слово вот-вот наступит конец света, а то небольшое время, которое еще осталось, нужно немедленно промотать, релаксировать на удовольствия, на то, чтобы насладиться тончайшей пульсацией прохладных сухих лепестков цветущей вишни, пронесившихся в такт движению между нашими телами.

А потом — снежинки набились нам в штаны, пролезли под белье и дальше, остужая и вымораживая только что горевшие места, и вот мы уже, наскоро застегнувшись, со свистом несемся по склону к подъемнику. «Ричард, давай в пятнашки! Ты водишь!»

Румяные, чуть смущенные, вновь и вновь переживая про себя только что испытанные телесные ощущения, преобразившие нас обоих, мы влезли на подъемник, который, размеренно покачиваясь, в очередной раз потащил нас вверх по склону и вдруг — взял да и остановился на пол-

дороге. Тут и фонари, освещавшие трассу, заморгали, затем начали выцветать, а затем и вовсе погасли. Мы с Карен остались болтаться в воздухе, зависли, так сказать, на лоне природы, — с джинсово-голубыми в лунном свете лицами. Карен достала из пачки сигарету, и в отблесках язычка пламени биковской зажигалки ее скуластое румяное лицо зажглось нежно-розовым светом, как у куклы в горящем кукольном домике. Я положил руку на ее плечо; вдвоем мы чувствовали себя спокойно и надежно, словно мы — плывущая в небе Солнечная система, теплые, живые планеты посреди полной звезд Вселенной.

Я спросил у Карен — которая тоже как раз пыталась оценить степень значимости того, что только что произошло между нами там, в лесу, — счастлива ли она. Уже потом, намного позднее, я уяснил для себя, что задавать этот вопрос вообще никогда не стоит. Но Карен улыбнулась, затем усмехнулась и с силой выдохнула в синюю темноту струйку дыма. Я почему-то представил себе драгоценности, выброшенные за борт корабля над Марианской впадиной, исчезающие навсегда. Затем она отвернулась и стала вглядываться в лес по правую руку от трассы; деревья вырисовывались в темноте лишь полосой более густого оттенка черного цвета. Мне вдруг стало ясно, что с нею что-то не то, я ощутил это, как если бы Карен была книгой, читая которую, я вдруг обнаружил, что кто-то вырвал самые важные страницы. Она прикусила нижнюю губу, нахмурилась.

А потом она чуть заметно, как бы смущаясь, вздрогнула, словно попытавшись завести свою «хонду-сивик» ключом от квартиры.

Меня вдруг осенило: да ведь Карен сегодня весь день какая-то не такая. Она словно не здесь, время от времени ее внимание застревает на какой-то ерунде вроде дискового телефона оливкового цвета на кухне у моих родителей или букета дурацких гладиолусов там же на столе: «Ой, правда, как красиво...» — а затем она снова выпадает куда-то. А еще она весь день смотрела на небо, причем не просто глазела, а останавливалась, задирала голову и подолгу всматривалась в облака, словно их ей показывали как кино, на огромном экране.

Плечи Карен чуть согнулись под моей рукой, лицо едва заметно напряглось и посерьезнело. Я сказал:

— Ну что ты... думаешь, не стоило? Брось, ты же знаешь, как я... как я тебя...

А она ответила:

— Да о чем ты, Ричард? Я тоже люблю тебя... дурака. Все в порядке, просто я здорово замерзла, а еще я хочу, чтобы поскорее починили свет. Вот и все, Беб.

Она так называла меня. «Беб» — это такое сопливо-сюсюкающее сокращение от «бэби».

Обступившая нас темнота пугала ее. Карен вдруг оттянула край моей лыжной шапки и поцеловала меня прямо в ледяное, почти восковое ухо. Тогда я крепче обнял ее и вновь спросил, что случилось, потому что ее явно что-то беспокоило.

— Знаешь, Ричард, — сказала она, — мне в последнее время снятся очень странные сны. В них все совсем как наяву... Наверное, чушь все это. В общем, и говорить не о чем. Забыли, согласен?

Карен покачала головой и выпустила в воздух облачко табачного дыма, который тотчас же сплелся в паутину на фоне черного неба. Посмотрев на вышки подъемника с закрепленными на них фонарями, бессильными в тот миг разорвать ночь и залить склон светом искусственного солнца, она резко сменила тему:

— Видел, в каких штанах явилась сегодня Донна Килбрук? Такие узкие — просто смотреть страшно. Между ног все видно. Ужас! В общем, об этом тоже лучше забыть.

— Слушай, Беб, ты мне зубы не заговаривай, — сказал я неожиданно резко и тотчас же разозлился на себя за это.

Я вырослел и дорос уже до того состояния, когда короткие, пусть и остроумные, как мне казалось, реплики перестали быть тем единственным и достаточным языковым средством, с помощью которого можно поддерживать разговор на любую тему. Мы с Карен вообще редко говорили по-настоящему серьезно. Пожалуй, ближе всего сокровенные мысли друг друга открывались нам во время дурацких дискуссий на занятиях по философии — а это, как вы понимаете, не совсем то. Многословность — это лишь защитная броня юности. А нам уже начинало не хватать настоящей работы мысли. Я решил во что бы то ни стало докопаться до сути ее переживаний.

— Ну, брось... Расскажи, что там у тебя. Пожалуйста.

— Не буду. Извини, Беб. Это все так сложно, сразу и не объяснишь.

И вот опять — я почувствовал себя отодвинутым, исключенным из ее мира. А ведь только что мы были единым целым. Просвистел порыв ветра, мы поежились от холода, и вдруг Карен сказала:

— А знаешь, может быть, это был вовсе и не сон. Только ты обещаешь не смеяться?

— А то, спрашиваешь! Само собой — обещаю.

— Нет, когда это было, я спала. Просто оно было намного реальнее любого сна. Может быть — что-то вроде видения.

— Ну?

— И совсем не похоже на сон. Скорее как кусочки из фильма. Знаешь, как по телевизору показывают рекламу какого-нибудь фильма, да еще и со стоп-кадрами. Только все в дымке; похоже, знаешь, на недопроявленную пленку. Примерно как когда я в школе, в фотолаборатории, проявляла снимки, и там постепенно проступали ваши лица. А вообще мне кажется, что это, ну то, что я видела, было будущее.

Сейчас я готов запинать сам себя ногами за то, что сказал тогда в идиотском порыве продемонстрировать остроумие.

— Ну и как там в будущем? — усмехнулся я. — Вьетнамцы завоевали весь мир? Инопланетяне залетают поужинать? Каждому — по личному звездолету? То-то смотрю я на тебя сегодня: ни дать ни взять — курсант из школы астронавтов. —